

ЗИНАИДА БИТАРОВА

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — ДУША

Драма в девяти картинах

Санкт-Петербург
2011

«Место действия — душа» — психологическая драма, посвященная Гайто Газданову (1903–1971), выдающемуся русскому писателю осетинского происхождения. Шестнадцатилетним добровольцем он покинул родину с белой армией и большую часть жизни провел в Париже, зарабатывая на хлеб как таксист.

В 30-е годы первый роман писателя «Вечер у Клэр» имел успех в эмигрантской среде. Автора называли «русским Прустом». Из-за кордона его тепло приветствовал М. Горький. В настоящее время в России издано полное собрание сочинений Газданова, но он до сих пор остается до конца не разгаданным критикой.

В пьесе Зинаиды Битаровой, петербургской поэтессы и драматурга, выстроен эмоционально-психологический образ писателя-эмигранта Жоржа. Три персонажа или даже четыре (в том числе гротескный, мистический Клошар — он же в дальнейшем Александр Вольф) являются гранями одного сложного характера, а события — явь и воспоминания — происходят в пространстве одной души. С целью достижения максимальной приближенности к прототипу в метафизическую ткань пьесы оригинальным авторским решением органично вплетены фрагменты и реминисценции из ряда автобиографических произведений Газданова.

Своеобразная стилистика пьесы — перемежение прозаических диалогов ритмизованной прозой и стихотворными монологами — подчеркивает полярность образа главного героя драмы: жесткость в неотъемлемом сочетании с романтизмом и лиричностью.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Жорж, 26 лет, писатель-эмигрант

Гайто, 16 лет, Жорж в юности

Клошар, он же — Александр Вольф, 20–30 лет

Клэр, 18–28 лет

Жанна Ральди, 50–60 лет

Мать Клэр, до 40–50 лет, она же —

Дама с зонтиком

Полицейский

Горничная

Бармен

Картина 1.

Основная сцена затемнена.

На авансцене высвечивается Жорж. Он лежит на кушетке и просыпается по звонку будильника, но некоторое время не встает.

Жорж (*в пространство, монотонно*). Я давно перестал быть свободным человеком. Я не читаю книг, не пишу писем и рассказов... и чувствую себя тупым животным... в отличие от своих собратьев по работе. Но я знаю: если уйду с фабрики, уйду от своего сверлильного станка, мне грозит голодное существование.

Пауза.

Встает с кушетки, подходит к осколку зеркала на стене, разглядывает свое отражение, затем возвращается к кушетке и садится на пол около нее.

...Болезнь начинается с того, что значимые люди, два или три человека, которых я больше всего люблю, и мысли о них, постепенно удаляются от меня, как исчезающие привидения. В иное время этот уход показался бы мне непоправимым несчастьем... (*пауза*) Я по-прежнему все вижу и замечаю, у меня остаются все мои способности, но внезапно атрофируется воля. (*пауза*) Мне тяжело, и, как всегда, я думаю о матери.

Пауза.

Встает, делает несколько шагов по комнате, останавливается перед рампой.

(*зрителям*) С самого раннего детства я помню ее движения... неторопливые... и холодок, от нее исходящий, вежливую улыбку — она почти не смеялась и редко ласкала детей. Несмотря на ее холодность, я ее очень любил. Ее замечания в мой адрес были неоспоримы. В ней, как во мне, таилась опасность внутренних взрывов и постоянной раздвоенности. Она казалась застывшей, как воплотившаяся картина — на самом деле была не такой, какой казалась. Мне понадобились годы, чтобы понять это; а поняв, я долгими часами представлял себе ее настоящую, а не кажущуюся жизнь. (*встает вполборота к основной сцене*)

Освещается основная сцена.

На сцене — два кресла с высокими спинками: первое — отца, на нем

висит мужской сюртук, второе — матери, с женской пелеринкой.
Появляется Гайто, подходит к креслу матери
и опускается перед ним на одно колено.

Голос Матери. Наш сын читает неприличные книги. Наш сын некультурен и дерзок, так мне сказали. Вы знаете, как он обошелся с учителем истории? Он, конечно, вам не рассказывал?!!

Голос Отца. Не рассказывал...

Голос Матери. Учитель истории на него рассердился и поставил в угол, но сделал неловкое движение, поскользнулся и упал рядом с кафедрой.

Пауза.

Гайто опускается на оба колена.

Никто не засмеялся, а наш сын сказал пострадавшему учителю: «Так вам и надо, я очень рад, что вы упали».

Голос Отца (*после паузы*). Ну, Бог с ним, он больше не будет. Не будешь, Гайто?

Гайто. Нет, не буду.

Голос Отца (*извиняющимся тоном*). В конце концов, было бы хуже, если бы он не шалил, а был тихоней. В тихом омуте черти водятся.

Гайто продолжает стоять на коленях, затем оборачивается и устраивается у изножья кресла матери лицом к зрителю.

Гайто. Мать всегда казалась загадочной. Прислуга, не боявшаяся отца, даже когда он кричал, боялась не раздражавшейся матери. С отцом я спорил, с матерью — никогда. Мне она часто делала выговоры, произнесенные ровным голосом. Однажды я пытался ей что-то ответить: она посмотрела на меня с удивлением и любопытством, точно впервые заметив, что я обладаю даром слова. Впрочем, я был самым неспособным в семье: сестры мои унаследовали от матери быстроту понимания и

феноменальную память и развивались быстрее, чем я; мне никогда не давали понять этого, но я очень хорошо знал это сам.

Основная сцена затемняется.

Жорж (*в пространство*). Говорит, этого никогда не давали понять... никто об этом ему ни разу не сказал... как же он догадался?

Пауза.

На авансцене появляется Клошар (существо в лохмотьях), садится на стул против Жоржа.

Клошар. Какого черта! Это показывали постоянно... без слов!

Жорж (*спокойно*). Я забыл закрыть дверь?... я где-то тебя уже видел.

Клошар. Неважно... на улице.

Жорж. Так что же? У меня нечего красть. Кто ты?

Клошар. Какая разница... хрен! ну, скажем, телепат...

Пауза.

На основной сцене высвечивается Гайто.

Гайто. К отцу я бежал навстречу и прыгал ему на грудь. Этот сильный человек только иногда притворялся взрослым, а, в сущности, был такой же, как и я, мой ровесник! К матери я подходил потихонечку, как полагается благовоспитанному мальчику. (*пауза*) Я не боялся ее, но не переставал ощущать ее превосходство над собой. Это было необъяснимо и не зависело от ее исключительных способностей: непогрешимой памяти, безукоризненного владения иностранными языками. И в русской речи моя мать употребляла только литературные обороты и говорила с обычной своей холодностью и равнодушно-презрительными интонациями.

Основная сцена затемняется.

Клошар (*берет фотокарточку в рамке со стола*). Здесь она похожа на офицера, зятянутого в мундир. (*пауза*) А мальчику своему она постоянно показывала, что он не соответствует ее ожиданиям. Она унижала его презрительным молчанием... как же он боялся ее!

Жорж (*растерянно*). Ты, в самом деле, телепат?..

Молчание.

Клошар. Только отцу твоему она изредка, вдруг, могла улыбнуться, чего в другое время никто не видал у нее ни при каких обстоятельствах.

Пауза.

Основная сцена освещается.

Гайто.

Отец успел задать мне сказку
как загадку,
и я ее разгадываю всю жизнь.
Она, я помню, длилась бесконечно —
и в океан Индийский каждый вечер
корабль свой направляли мы с отцом.

(*примащивается у изножья кресла отца, представляя себя ребенком*)

Несколько кругосветных путешествий я совершил,
остров открыл и правителем стал там.
А через море построил дорогу
и перевез на свой остров прямо в вагоне маму,
потому что мама очень боялась моря. (*пауза*)
Сказку отцову я слушал ежевечерне,
а если, случалось, отец в отъезде,
я огорчался до слез.
Но, а потом, когда он возвращался,
я на его коленях снова был капитаном.

Пауза.

Основная сцена затемняется.

Жорж. А потом сказка прекратилась навсегда: отец заболел и умер, когда мне было восемь лет. Перед смертью он просил хоронить его без попов и без церковных церемоний.

Клошар. Ни хрена! С его просьбой не посчитались и все сделали наоборот. Твоя мать не считалась ни с кем. Мне кажется, она обладала невероятными вампирскими качествами.

Пауза.

Жорж подавлено молчит. Освещается основная сцена.

Гайто. И в корпусе, и в гимназии поначалу... одноклассники меня смущали. Не знал я, как относиться к ним. Я дома привык к узкому кругу: к матери, сестрам, няне. А массу людей неизвестных не мог воспринять сразу, боясь потеряться в этой толпе — поэтому стал я дерзок, утратив размеренность жизни, что после смерти отца у нас воцарилась в доме.

Пауза.

...А вскоре умерли одна за другой мои сестры. Мы с матерью остались вдвоем. Она годами проводила время, как заколдованная, еще более молчаливая и неподвижная, чем прежде. Она никогда не болела; и только в ее глазах, которые я помнил равнодушными, появилась такая глубокая печаль, что мне, когда в них смотрел, становилось стыдно за себя и за то, что я жив.

Основная сцена затемняется.

Клошар (*Жоржу*). Ни хрена себе... я же сказал... не знаю, какие механизмы тут задействованы, но мощное подавление ближних — один из них. Ведь почему-то все умерли, и от каких-то банальных заболеваний... в семье, где был достаток и где никто не страдал от голода или антисанитарии (*исчезает*).

Пауза.

Оцепеневший Жорж наблюдает за тем, что происходит на основной сцене.

Гайто (*совершив несколько спортивных упражнений, затем категорично*).

Мной решено,
что два...

есть мира:
мир реальный
и потайной,
где скрыто
мое второе «я».
Оно — второе, но одарено
способностью несметных превращений,
возможностей...
оно враждебно
«я» первому,
и все враждебнее становится,
по мере
того,
как «я» реальное
становится сильней.

Пауза.

Но дома... мне было трудно отвыкать от гимназических привычек, однако искусство это скоро я постиг, интуитивно ощущая — нельзя быть одинаковым со всеми: после короткого периода домашних маленьких проблем я вновь послушным мальчиком в семье своей остался. В гимназии же резкость моя была причиной того, что чаще других наказывали меня. А вызванная мать в лицо наставникам моим сказала: «Простите, мне кажется, вы не вполне искусством своим владеете... мой сын в семье... он очень тихий мальчик, не буян» — и разводил обиженно руками наставник классный: «Да, с вами он совсем другой, не знаем, как добиваетесь вы этого»

Музыка.

З а т е м н е н и е

Картина 2.

Через несколько дней.

На авансцене Жорж. Он, скорчившись, спит на полу. Звонok будильника — Жорж просыпается, встает, безучастно оглядывает свою комнату и разговаривает сам с собой «разными голосами».

Жорж (*вялым голосом*) Паралич воли продолжается.

(*с родительскими интонациями*) Две недели такой жизни — и тебе уже нечем будет платить за комнату. Зачем ты бросил свое место на заводе? Тебе придется съехать из гостиницы.

(*с нотками отчаяния*) Ах, отстань, что будет, то будет! Я ничего не могу с собой поделаться... (*снова ложится и замолкает*).

Музыка. Освещается основная сцена. На сцене Гайто.

Он рассуждает и играет сам с собой.

Гайто.

Дома переселялся я
в иную страну,
где
жилоь мне не так,
как всюду.

Пауза, музыка.

...старался я победить неуверенность и учился жить в воспоминаниях.

Пауза, музыка, пластические движения.

И эта постоянная забава
фантазии моей
вошла в привычку.
Но все-таки
себя терял я часто...
я не был
навсегда определенным...

Пауза.

Изображает пластически и мимически тот или иной персонаж из прочитанных им книг или собственных фантазий.

Неверность собственного призрака
в реальной жизни
давала мне
разнообразность ликов.
Но внутреннюю жизнь любил я больше...
Внимание мое влекли предметы,
с которыми ничем я не был связан.
А то, что непосредственно касалось
меня, реального,
не трогало меня.
И прежде, чем я смысл постигал
случившегося,
время уходило...

Пауза.

Пудобнее усаживается в кресло.

В комнате своей
вечерами
с незажженным светом
в мягком кресле
любил я сидеть.
С улицы
розового
ночного пламени фонарей
мягкие отблески
до моего окна
долетали.
В квартире внизу
медленно
пианино играло.
Мне казалось,
что плыву я по морю,
и белая пена волн
колышется
перед
моими глазами.

Пауза, встает, подходит к рампе.

(зрителям)

Мне с детских лет казалось —
знаю тайну, всем прочим недоступную:
познав
мгновенную подчас метаморфозу,
я ощущал свое слепое знание,
блаженное,
чудесного вблизи.

Но... *(пауза, с грустью)* приходя в себя, был обессилен:
все возвращалось в каменные формы,
предметы обретали прежний облик.

Основная сцена затемняется.

Пауза, музыка.

На авансцене — Жорж с мыслями вслух.

Жорж *(встает с кушетки, вялым голосом)*. И зачем делать
то, что я делаю каждый день? Что тягостно и неприятно...

Идет к столу, включает чайник, заваривает себе чай.

(свысока) Незачем, Жорж, ты прав! Однако... ты же — писа-
тель, хотя пока и малоизвестный... *(с легкой иронией)* надо
дать жить телу, чтобы писать.

(прежним вялым голосом). Писатель — это человек с каким-то
глубоким недостатком, ему не дано быть счастливым... и за-
чем жить телу, если исчезло влечение к жизни?

Пауза, ищет на полках съестное.

(с родительскими интонациями). Это не впервые, тебе уже все
знакомо... это этап...

(вялым голосом) Я устал, Жорж!

(с укоризной)

В тебе много гордыни, бог не дает не по силам...

Пауза.

Пьет чай и что-то жует.

(взрываясь) Да кто ты такой, чтобы внушать мне, проповедовать, критиковать!

(спокойно) Посмотри в зеркало повнимательней, вглубь... вглубь смотри — и ты найдешь ответ.

Подходит к осколку зеркала и, долго разглядывая в нем себя, беззвучно бранится, швыряет зеркало в угол.

(так же, но и с усмешкой) Ты жалеешь о том, что за долгие годы не научился жить без оглядки назад и влачишь за собой груз образов... они, созданные тобой призраки, всюду сопровождают тебя... а ведь жалеть-то не о чем, это нормально!.. тебе не по плечу? ты слабак, Жорж! (вялым голосом) Ты ничего не понимаешь... писательство — не профессия... болезнь (с восхищением) Но удивительная болезнь!..

Застывает в одной позе, углубляется в воспоминания.

Освещается основная сцена, где Гайто, обнаженный до пояса, в трико и туфлях, делает гимнастические упражнения.

Гайто (прерываясь на мгновение). Единственное, что мне дал кадетский корпус — я научился на руках ходить.

Некоторое время продолжает делать гимнастические упражнения, отжимается.

(отдыхая)

Но любовь к переменам
влекла меня прочь
из дому.
В тринадцать лет
к бильярдной игре
я пристрастился:
густой синий дым над сукном
и
лица партнеров...
воров, спекулянтов и прочих.
Ближе к полуночи
в цирк

я с группой товарищей
шел
смотреть на наездниц,
а, может быть,
в кабаре,
где шансонетки
пели и танцевали
скабрзные куплеты.

Продолжает делать гимнастические упражнения.
Появляется Клэр, ей лет восемнадцать,
она длиннонога и прекрасна.

Клэр (*касаясь плеча Гайто*). Прервитесь, гимнаст, пожалуйста!

Гайто (*прекращая упражнения*). Пожалуйста...

Клэр. Вы знаете меня?

Гайто. Впервые вчера вас увидел... зовут вас...

Клэр. Клэр.

Гайто (*обрадовано*). «Светлая», значит... Вы француженка?

Клэр. Вы знаете французский?

Гайто. Знаю... садитесь, пожалуйста, только песок здесь.
Садятся оба.

Клэр. Смешно, как вы занимаетесь этим... гимнастикой!..
и ходите на руках.

Гайто. ...я в корпусе научился.

Молчание.

Гайто, цепenea, во все глаза смотрит на Клэр.

Клэр. Не очень-то вы любезны... давайте!.. меня развлекайте!

Гайто. И как же мне вас развлекать?

Пауза

Клэр. А в теннис вы не играете?

Гайто. Нет.

Клэр. Как вы односложны! Вы не привыкли общаться с женщиной...

Гайто (*удивленно*). Но ведь вы не женщина, барышня!

Клэр. А вы разве знаете разницу? (*смеется*)

Гайто. Знаю.

Клэр. Откуда? Вам кто-то об этом сказал?

Гайто. Нет, сам знаю.

Клэр. По опыту? (*опять смеется*)

Гайто (*смутившись*). Нет.

Клэр (*крича и хлопая в ладоши*). Ах, боже мой, он покраснел!

Общий свет гаснет, на авансцене высвечивается Жорж.

Жорж (*вялым голосом*). И вот сегодня я не пошел на работу, хоть и проснулся от звонка будильника. Я болен... я опять ощущаю эту, как будто чужую, тоску... я все бросил и опять часами буду бесцельно бродить по серым зеркалам предутреннего города. (*не спеша надевает синий рабочий костюм, уходит*).

З а т е м н е н и е

Картина 3.

На авансцене Жорж. Он, скорчившись, спит на полу. Звонок будильника — Жорж просыпается, безучастно оглядывает свою комнату, затем смотрит в одну точку, что-то беззвучно шепчет, затем слова становятся явственными.

Жорж. Мне неприятно вспоминать о драках, жестоких, для юности моей столь характерных... и неизменную любовь к стихам Бодлера, одновременно — общение с ворами и с людьми, живущими на временной свободе. О множестве поступков совершенных впоследствии я горько сожалел.

Пауза.

Мне некто долго запрещал
о женщине помыслить даже...

И от последнего движенья
удерживал, твердя — «порок!»,
как яд, вливая отвращенье
мне в сердца каждый уголок.
А надо мной тяжелым небом
из женских ягодич, грудей,
скрещенных ног...
летела небыль,
чтоб погresti меня под ней.
Но лики чистые сестер,
их боль, их смертные слезинки...
торжествовали в поединке,
который длится до сих пор.

Авансцена гаснет.

Пауза, музыка.

Освещается основная сцена.

Белая мебель, большой письменный стол с зеленым сукном.

На полу — большой синий ковер, на стенах —
многочисленные портреты Клэр.

Г а й т о (*подходя к рампе, зрителям*). Я переходил из пятого класса в шестой, Клэр окончила гимназию. Я бывал несколько

раз в ее квартире, но никогда не встречался с ее родными. Я приходил туда прямо с гимнастической площадки, усталый и счастливый потому, что сопровождал Клэр. Кругом было множество портретов Клэр, и они мне очень нравились, а Клэр очень нравилась себе.

На сцене появляется Клэр с книгой в руках.
У нее обычное весело-насмешливое настроение.

Клэр. Почитайте мне вслух, в этой книге очень смешные рассказы (*протягивает книгу*).

Гайто (*беря книгу*). Какой почитать?

Клэр. Ну... хотя бы этот... «Потоп»!.. или нет, подождите, я хочу иначе развлечься!.. посидите здесь тихо, почитайте сами, за мной не подглядывайте, я — сейчас!.. (*скрывается за ширмой*)

Гайто читает. Через минуту Клэр выходит из-за ширмы в мужском костюме с нарисованными женой пробкой усиками.

(*низким голосом*) Ну, как вам нравится, Жорж, этот молодой человек?

Плавно расхаживает перед Гайто взад-вперед, обмахивается надушенным платочком, периодически кланяется направо и налево.

Видите, Жорж, как должен вести себя приличный подросток? (*исчезает со сцены*)

Гайто. Несмотря на шутки Клэр и ту пустоту, с какой она постоянно ко мне относилась, мне бывало не по себе. Мне чудилось, что я погружаюсь в огненную и сладкую жидкость и вижу рядом с собой тело Клэр и ее светлые глаза с длинными ресницами. Она как будто понимала мое состояние: вздыхала, потягивалась всем телом и вдруг опрокидывалась на спину с изменившимся лицом и стиснутыми зубами. Это могло бы продолжаться долго, если бы не одно событие.

Гайто продолжает сидеть в кожаном кресле.
Клэр возвращается и ложится на диван. Из-за двери слышен низкий женский голос, раздраженно говоривший что-то горничной.

Клэр. Моя мать... странно, она в такое время редко бывает дома.

В ту же минуту, не постучавшись, входит в комнату худошавая дама лет сорока, в бриллиантовом колье с громадными изумрудами на руках, ее портят толстые губы и светлые жестокие глаза.
Гайто встает, кланяется ей.

Клэр. Матап, это Жорж, наш сосед.

Мать Клэр (*едва взглянув на Гайто*). Бесконечно счастлива с вами познакомиться. (*к дочери по-французски*) Я не знаю, почему ты всегда приглашаешь таких молодых людей, как вот этот, у которого грязная, расстегнутая рубашка и который даже не умеет себя прилично держать.

Клэр (*смущаясь, тоже по-французски*). Этот молодой человек говорит по-французски.

Мать Клэр смотрит на Гайто с упреком, будто он в чем-то виноват.

Мать Клэр (*шумно выходит из комнаты с криком*). Ах, оставьте меня в покое!

Пауза, музыка, основная сцена затемняется.

Жорж (*высвеченный на авансцене*). После этого случая я перестал бывать у Клэр. Наступала осень, в теннис больше не играли, я не мог видеть Клэр на гимнастической площадке. В ответ на мои письма она назначила мне два свидания, ни на одно не явилась. И я не встречал ее четыре месяца. Потом пришла зима. Все эти четыре месяца я думал только о Клэр. Я представлял диалог, который произойдет между нами, я слышал ее смех и видел ее во сне. Медленно скользя на лыжах, я с бессознательным вниманием смотрел на снег, точно искал ее следы. Я старался не думать о Клэр, но лишь изредка это мне удавалось. Однажды, очень поздно ночью, я возвращался из цирка домой пешком и не думал о Клэр.

Авансцена гаснет, освещается основная сцена, пауза, музыка.
Появляется Гайто в гимназической шинели,
за ним на некотором расстоянии — Клэр.

К л э р (окликаая). Жорж!

Г а й т о (оборачиваясь, испытывая затруднения в дыхании).
Приветствую, я вас давно не видел.

К л э р (смеясь). Была я занята, я выходила замуж.

Г а й т о (цепenea, про себя, не вполне понимая). Клэр — за-
мужем.

К л э р (продолжая смеяться). Уж много месяцев, но пор-
тить фигуру не хочу. (замечает, что не может вывести себе-
седника из оцепенения)

Г а й т о (бормочет, опять мало что понимая). Что ж...
хорошо.

К л э р. Придется вам примириться с тем, что девушкой
быть я перестала и стала женщиной. Вы помните наш первый
разговор?

Г а й т о (как бы с трудом соображая). Мне — примириться
надо?.. что ж... на вас я не сержусь...

К л э р. Вас это не пугает?

Г а й т о. Напротив.

Они идут теперь вместе, он держит ее под руку,
вокруг падает крупными хлопьями снег.

К л э р. Повторите: Клэр девушкой перестала быть.

Пауза.

Г а й т о (точно во сне). Конечно, хорошо. (повторяет) Клэр
девушкой перестала быть...

К л э р (останавливаясь). Идемте ко мне. Никого нет дома:
ни мамы, ни отца... и муж в отъезде.

Г а й т о . Вы будете спокойно спать сегодня, Клэр.

К л э р (смеясь). Надеюсь, нет. (*подходит близко к Гайто и берет его двумя руками за воротник шинели, резко*) Идем ко мне!

Молчание.

Гайто еще более цепенеет.

(гневно) Сошли с ума вы... или вы больны?

Г а й т о . Нет, нет.

К л э р . Что с вами?

Г а й т о . Я не знаю, Клэр.

Не прощаясь, Клэр уходит в угол сцены и несколько мгновений стоит, как бы чего-то ожидая, затем исчезает.

(в пространство). За ней хотел пойти я, но не мог... снег продолжал идти, в нем пропадало все, что знал я и любил до этих пор.

На основной сцене свет гаснет.

(высвеченный на авансцене) На улице ее я как-то встретил... и поклонился ей, но не ответила она мне на поклон.

Освещается основная сцена.

Перемещается на основную сцену.

(напряженно)

Через два месяца — шестнадцать мне...

решил я добровольцем за белых воевать...

Мой дядя, брат отца, все убеждал остаться — он говорил: ты будешь сожалеть...

Я уезжал...

без убеждений и без энтузиазма...

из-за Клэр...

я презирал себя за тупость в последней встрече,

я был размазан презреньем женщины...

я уезжал в надежде

увидеть и понять в условиях войны
такую новизну,
которая переродит меня.

Пауза, движение героя по сцене
(может быть, спортивные упражнения)

Я уезжал, а мать просила не покидать ее, не оставлять одну, без дочерей, без мужа, судьбой уж отнятых у ней. *(пауза)* Я ей сказал, что скоро война окончится, я снова буду дома. Она спросила: а если труп твой привезут ко мне? Я ей ответил твердо: я знаю, не убьют меня.

Пауза, медленно уходит со сцены.

(оборачиваясь). За дверь я вышел, мать мне улыбнулась, и столько в той улыбке было чувств: и сожаление, и осознание, что невозможно мой устранить отъезд, и мысль об умерших... об одиночестве... любовь ко мне.

Общий свет гаснет, высвечен лишь Гайто.

(зрителям) Но дверь захлопнулась — вся показная уверенность покинула меня, подумал я: порога этого уже не преступлю, не перекрестит мать меня, как только что перекрестила — я захотел домой вернуться... но было поздно.

Основная сцена затемнена. На авансцене вновь Жорж.

Жорж *(обреченно)* Моя неспособность немедленно реагировать на все, что со мной случалось, привела к душевной катастрофе через несколько месяцев после знакомства с Клэр.

З а т е м н е н и е

Картина 4.

Через неопределенное время.

Поздний вечер. На сцене Жорж. На его спине — тяжелый мешок то ли с сахаром, то ли солью или мукой. Он завершает работу. Отряхивает пыль с рабочей одежды и ложится тут же неподалеку на соломенный тюфяк, но не может спать, выходит на улицу, залитую красным светом.

Жорж (*вялым, с нотками отчаяния, голосом*). Я работу нашел и бросил опять...

Вздрагивая от холода, идет навстречу спящему красному фонарю.

Неожиданно рядом он видит такого же бродягу, как он — на сцене появляется Клошар и пристраивается рядом с Жоржем.

Клошар (*оглядывая Жоржа, с усмешкой*). Хорошо быть свободным художником??!

Жорж (*не отвечая, бормочет*). Я голоден, устал, мне негде жить, я упаду на улице и тут останусь.

Клошар (*равнодушно*). У каждого своя смерть.

Жорж (*как автомат*). Я не ел и не спал двое суток. Мои ноги окаменели. Слиплись от боли глаза.

Несколько раз пересекает сцену в разных направлениях, за ним следует Клошар.

(останавливаясь, зрителям) Предметы, на которые смотрю, приобретают, все, оттенок красный.

Клошар (*лукаво*). Ты свободен от прежних привычек, озноб и тошнота почти естественны... и тебе принадлежит улица в красном свете.

Жорж (*к чему-то прислушиваясь*). Фонари!.. гудят как в России!

(пауза, затем как бы уговаривая сам себя) Ты думай, Жорж, сейчас о наших фонарях... что в русских городах... и в парках городских...

Клошар с любопытством взирает на Жоржа некоторое время,
затем исчезает со сцены.
По сцене течет оранжевый, зеленый и красный свет; в глубине сцены
чувствуется — как темное и все же полупрозрачное пятно — бассейн.
Жорж фиксируется на нем.

Жорж (*как загипнотизированный*).

Если смотреть
в эту светлую воду днем,
видны на дне
шевеленье воды
и золотистый песок,
вроде того,
из которого крепости строил я в детстве...
но вечерами
вода
будто спит —
так спокойна она
и
неподвижна в бассейне.

Он опять идет дальше, опустив голову, а когда поднимает ее, его
замороженный взгляд натывается на Гайто: ему кажется, что перед ним
стоит в солдатской шинели Гайто и он слушает его речи.

Г а й т о (*Жоржу*).

На фронте мне пришлось увидеть то,
что недоступно было бы где-либо.
Я наблюдал
явления трусости ужасной,
сочувствия во мне не вызывавшей.
Бои. Убитые. Страдания...
Я не скажу,
что никогда
мне не пришлось изведать чувства страха,
однако...
мой страх легко рассудку подчинился:
в нем не было ни сладострастья, ни соблазна.
В те времена, как раньше и потом,

страдал я неспособностью
мгновенной реакции
на то, что совершалось рядом.
И только отстраненные явления
могли во мне струну затронуть эту.
Так, скажем, медленный полет огромной птицы,
далекий чей-то свист,
нежданный поворот дороги,
крик неизвестного животного в ночи,
а, может, прирученного медведя взгляд человечесий...

Жорж (*с отчаянием и с детским восторгом*). Пусть сейчас... это будет курьерский поезд ночью!

Слышен ночной гудок паровоза, скрип вагона.
Сквозняк — как от ворвавшегося в окно ветра,
он как будто сдувает Гайто, тот исчезает со сцены.

У Жоржа изменяется сознание, подкашиваются ноги,
и он опускается на каменный пол у чьих-то закрытых дверей.

(*слышит свой голос в полусознательном состоянии*).

...и вижу я, что совершенно гол,
и обвивает змей меня от пят до головы...
змеиный лед мне студит кровь,
она все медленней струится в жилах...
и вот уже на уровне лица —
глядящие в упор глаза змеи...
я с ужасом смотрю, вдруг понимая:
ведь у нее глаза мои, но... выцвели —
печально так
смотрел бы сам... на труп убитого.

Жорж стонет, вздыхает. На сцене появляется Полицейский,
тормошит его — Жорж с трудом приходит в себя.

Полицейский (*вежливо*). Вы в порядке?

Жорж. Не знаю...

Полицейский. Где вы живете и где работаете?

Жорж. У меня нет ни адреса, ни работы.

Полицейский. Но у вас есть деньги?

Жорж. Нет, денег у меня нет.

Полицейский. Я вынужден арестовать вас.

Жорж. Очень хорошо, а за что?

Полицейский. У вас нет ни работы, ни адреса, ни денег.

Жорж. Это достаточная причина для ареста?

Полицейский. Да. Потрудитесь следовать за мной.

Общий свет гаснет, переходят на авансцену.

Полицейский приносит табурет.

Потрудитесь снять пояс, шнурки от туфель и галстук.

Жорж выполняет приказ.

Его сажают на железный табурет, фотографируют фас и в профиль.

Затем берут отпечаток каждого пальца правой руки.

Жорж (*глядя на свои, выпачканные черным, руки*). Где здесь умывальник?

Полицейский, насмешливо глядя, надевает ему наручники,

и Жорж уходит вместе с ним шаркающей походкой,
боясь потерять спадающие с ног туфли.

Зажигается свет на основной сцене.

Жорж сидит на нарах в тюремной камере.

(*зрителям*) Меня выпустили через два дня. Я устроился работать таксистом.

З а т е м н е н и е

Картина 5.

На основной сцене имитация езды в автомобиле; сидят: впереди — Жорж, а за его спиной — пассажирка, добротнo одетая дама с зонтиком и в бриллиантах.

Через несколько мгновений дама тычет в спину шофера зонтиком.

Дама с зонтиком (*кричит*). Мы едем не на похороны? Побыстрее, пожалуйста, месье!

Жорж нажимает на газ — машина летит с бешеной скоростью.

(*кричит*) Это самоубийство! Вы сумасшедший! Я подам на вас жалобу!

Жорж замедляет ход, и машина останавливается.

Жорж. Вам нужно бы лечиться, мадам... хотите, я укажу вам адрес клиники?

Дама с зонтиком (*в степени крайнего возмущения*). Что за комедия? Вы, может быть, не знаете, кто я такая?

Жорж. Действительно не знаю.

Дама с зонтиком. Я жена...

Жорж (*зрителям*). Она назвала фамилию. (*пассажирке*) Но почему вы рассчитываете, что это произведет на меня впечатление?

Дама с зонтиком. Как, вы не знаете фамилии моего мужа?

Жорж. Слышал как будто... он, кажется, адвокат?

Дама с зонтиком. Да, во всяком случае, не шофер такси.

Жорж. Я полагаю, мадам, что из этих двух профессий — профессия шофера, пожалуй, честнее.

Дама с зонтиком. А! Вы революционер! Я ненавижу эту породу людей.

Жорж (зрителям). Она не уходила и не платила мне, счетчик продолжал идти. (пассажирке) Вы, вероятно, ничего не знаете о революционерах, но я далек от намерения поставить вам это в упрек. Просто имейте такт не судить о том, о чем у вас нет представления.

Дама с зонтиком. Никто и никогда со мной так не разговаривал. Какая наглость!

Жорж. Это очень просто, мадам. Все, кого вы знаете, стремятся сохранить либо ваше знакомство, либо вашу благосклонность. Мне все это безразлично, через несколько минут я уеду и, надеюсь, больше никогда вас не увижу. Почему же я стал бы говорить не то, что думаю?

Дама с зонтиком. И вы думаете, что я просто невежда и дура?

На сцене появляется Полицейский и стоит поодаль, на случай, если дело примет скандальный оборот.

Жорж. Я бы не настаивал на последнем, но мне трудно скрыть от вас, что первое мне кажется соответствующим действительности.

Дама с зонтиком. Хорошо. Пока что я вам заплачу и дам чаевые.

Жорж. Вы можете их оставить себе, мадам.

Дама с зонтиком. Нет, нет, вы их заслужили, хотя бы за ваш очаровательный разговор.

Жорж. Я в восторге, мадам, что он вам понравился.

Дама с зонтиком. Скажите, пожалуйста, вы не иностранец?.. Вы мне кого-то напоминаете.

Жорж. Нет, мадам. Я родился на улице де Бельвиль, у моего отца там мясная, вы, может быть, ее случайно знаете?

Дама не отвечает и удаляется со сцены.

Жорж смотрит ей вслед.

(зрителям) Она тоже мне кого-то напомнила: кажется, это была мать Клэр.

К Жоржу подходит полицейский.

Полицейский. Скажите, пожалуйста, вы случайно не сумасшедший?

Жорж. Во всяком случае, меньше, чем мои клиенты.

Общий свет гаснет. Резкий звук отъезжающего автомобиля. Музыка.

Жорж высвечивается на авансцене, он лежит на своей кушетке.

В комнате появляется Клошар, садится на стул.

Жорж (равнодушно). Я опять забыл закрыть дверь? (пауза, всматривается в непрошеного гостя) А, это ты? давно мы не встречались.

Клошар. Ты, вижу, процветаешь...

Жорж. У тебя здорово с юмором, но тяжело с милосердием. Зачем ты здесь?

Клошар. Ты прав, я пошутил!.. но, ни хрена! душевно живешь ты плохо.

Жорж (с легкой растерянностью). Вроде никому об этом не говорил.

Клошар. Презрение и жалость — вот два чувства, тебе свойственные.

Пауза.

Жорж (с горьким смешком). Ты — кто? Ряженный полицейский? За чувства вроде не привлекают.

Клошар. Какая разница — кто я... читаю мысли... ведь ты... хотел бы овладеть искусством этим?

Жорж (*с некоторым раздражением*). Нет времени, нет сил... и нет ума...

Пауза.

Клошар встает и опять садится, ходит, рассеянно разглядывая полупустые стены.

Клошар.

Ты...

не способен принять чужих страстей:
в игроках и пьянчугах признать людей,
в ловеласах не видеть тупых свиней...
ведь чувственность твоя...
посажена на цепь в подвал...
тобою!

(пауза, затем скороговоркой)

или... твоей матерью,
что одно и то же.

Пауза.

В частности, ты особенно остро и долго не понимал ловеласов.

Жорж (*спокойно*). Не понимал... причем здесь моя мать?!!

Клошар. Но мужества потом хватило у тебя продумать эту тему до конца, ты убедился: это — зависть!

Пауза.

Жорж (*задумчиво*).

Порядочные женщины — в них есть
тот привкус вялой прелести, что пресен...
Меня влекло неудержимо вниз,
туда, где грязь
с брезгливостью сплелись...

Клошар (*презрительно*). Ты трусишь, зависимый от табу, навязанного в детстве... ты считаешь их, родителей своих... они же... так много комплексов навесили тебе!

Пауза.

Жорж. Отстань! болтать, смотрю, горазд ты!

Клошар. А ты знаешь историю своей матери? нет? она тебе ее не поведала?.. внешне как будто блестящую, успешную, как карьера офицера?

Жорж. Нет.

Клошар. А ты спросил ее когда-нибудь, отчего она такая надменная?

Молчание.

И не спрашивай!.. это только маска, за которой — боль, в чем она никогда не признается. (*пауза*) Твой двоюродный дед, некоторое время революционер, женился на страстно в него влюбленной богатой русской дворянке. Она спасла его от каторги за огромный выкуп. Он был моложе на двадцать лет. В супружестве они жили почти раздельно, имея общую дочь. Но будучи как-то на Кавказе, взяли в дом на воспитание племянницу из села, ровесницу их дочери. Так простая девочка-горянка была вырвана из родной почвы и помещена в условия совершенно ей чуждые. (*пауза*) Десять лет отменного домашнего обучения, непременно с уроками этикета, то бишь с муштрой, — и горянка превратилась в образованную красавицу. Но ее надменное превосходство на самом деле — кокон, за которым — задавленная душа.

Жорж (*кричит*). А-а-а!!! Сволочь, заткнись, заткнись, мать твою!.. (*с жесточением стучит кулаком по столу*)

Клошар (*злорадно*). Не надо волноваться!.. единственное, что достойно волнения — смерть!..

Жорж (*кричит*). Заткнись! (*кидает в собеседника предметы, попадающие под руку*)

Клошар (*увертываясь от «снарядов», ехидно*). Ну, так что ж, Жорж! Вполне естественные эмоции из подсознания, особенно, если ты не удовлетворен и не позволяешь себе даже относительно безобидных грехов. Ты попросту гнобишь себя! Когда-нибудь ты взорвешься... запретный плод сладок!

Как будто испаряется со сцены в лучах измененного освещения.

Жорж (*заткнув уши, опустив голову, мечась по сцене, говорит то громким шепотом, то почти кричит*).

Нередко, следуя домой,
закончив рабский труд ночной,
я был не я, я был *другой*,
который наслаждался всласть,
над ежедневностью глумясь.

События казались слаще
и соблазнительней вдвойне,
когда Пандоры гнойный ящик
взрывался в жуткой тишине.

Здесь словно ждали только часа —
освободить своих зверей...
Я не жалел развратных красок,
приняв очередной трофей.

Я шел один, неузнаваем:
в мозгу, клубясь, кишело дно,
я был убийцей, негодяем,
я мог творить любое зло.
Привычка жить воображеньем

была излюбленным решением.
Гремел ментальный беспредел!!!

Пауза.

(отмыкая уши, зрителям)

Я жить не так... не так хотел...
а, может, вовсе не хотел.

Пауза.

(устало) Я ненавижу свою работу и свою участь шофера такси. Никакая гражданская война не могла сравниться с той человеческой мерзостью, которая возникала в моих ощущениях при соприкосновении с ежедневной реальностью.

Пауза

И все-таки сегодня... наряду со всякими мерзостями... на самом дне души, как огарочек свечи, затеплился огонек: после многих лет бесплодных поисков у меня возникло предчувствие на близкую встречу с Клэр.

З а т е м н е н и е

Картина 6.

Через неопределенное время.

На авансцене зеленовато-белый свет. По проходу зала медленно идет Жорж, по его пятам, невидимый для него, следует Клошар, обоих сопровождает зеленовато-белый луч света.

Клошар (*подчеркнуто отстраненно*).

Ночь, дождь...
зеленовато-белый свет фонарей...
и человек по улице
так медленно идет.

Пауза.

(зрителям, усмехаясь) Я присматриваю за ним... ведь он — натурально поэт, хотя реально — прозаик... под его влиянием... я и сам стал... немного поэтом.

Пауза.

Делает фортель ногами.

В пространствах
темных и сырых,
меж двух рядов
угрюмых зданий,
как автомат —
соратник давний:
как будто получил
под дых
и в ритуал вошел
сакральный.

Здесь ни души,
лишь звук шагов...
он слишком долго
шел пешком
и потерял свою реальность.

(*как бы испаряется со сцены, исчезая из луча света*)

Жорж (*в пространство*).

Я разделен был с телом
моим
и я боялся
чужого появления...
могло бы
своею непросвечивающей тенью
оно не дать вернуться мне в себя.

Мне оставалось...
(в который раз?)
одно стремление —
исчезнуть, обо всем на свете позабыть,
не думать и не знать, и стать бродягой,
быть может, почернеть и стать похожим
на цвет земли, и незаметно
совсем исчезнуть,
как... воспоминания и сны.
Очнуться только в последние минуты
перед смертью —
вдали от города...
быть может, в поле.

(останавливаясь перед авансценой, оборачиваясь к зрителям).

Но...
все десять лет с момента жуткой встречи
нигде и никогда не мог забыть я Клэр.
Бродягою
ночуя под открытым небом
стран азиатских, варварских,
все вспоминал я гневное лицо
ее
и даже, много лет спустя,
ночами просыпался от страданья,
его причины
вовсе не поняв.

Авансцена гаснет, зажигается общий свет.

Квартира Клэр в Париже. Доминирует темно-синий фон обоев.

Клэр полулежит в постели, около нее — ночной столик.

Жорж сидит рядом, на стуле.

Жорж (*зрителям*). Она больна. А муж — уже полгода на Цейлоне. Просиживаю с нею допоздна все вечера, а после... пешком и долго, добираюсь до отеля.

Музыка. Идет беззвучный диалог с долгими паузами.

В комнату периодически входит и выходит задумчивая горничная

(ей лет сорок пять, она в пенсне), забывая то щипцы для сахара,

то сахарницу, то блюдечко или ложку.

Горничная (*вошедшая некстати в очередной раз*). Madame, не нужно ли чего вам?

Клэр (*поспешно, как будто боясь своим отказом обидеть горничную*). Да, принесите граммофон с пластинками.

Горничная приносит граммофон, Клэр забывает о нем.

Жорж. Мне кажется у горничной мания...

Клэр. Мания?

Жорж. ...передвижения.

Клэр (*с досадой*).

Вам следовало б не изощряться в остроумии...

Вы давеча опять

в рубашке

с запонками разными явились...

а вот позавчера перчатки ваши

клали на постель мою

и брали за плечи меня,

здороваясь...

да если б я перечислять

ваши погрешности решилась,

пришлось бы говорить...

часов мне пять!

Молчание.

Клэр подносит платок к глазам, будто бы плачет.

Жорж (*серьезно*). Жаль, мелочи такие вас могут огорчать — мне хочется просить у вас прощения.

Клэр открывает лицо: она смеется.

Клэр. У горничной — очередной роман, но вот мужчина наотрез жениться отказался, поэтому задумчива она.

Жорж (*так же*). О чем задумываться? Ведь отказался он жениться!

Клэр. Как вы прямолинейны... а с женщинами так нельзя. Она задумывается потому, что жаль ей, неужели непонятно?

Жорж. А долго был роман?

Клэр. Всего лишь две недели.

Жорж (*с удивлением*). Но ведь она всегда была задумчивой. И в прошлом месяце она грустила и мечтала так же, как сейчас.

Клэр (*с досадой*). Ах, боже мой, ну просто... тогда другой роман был у нее.

Жорж (*с мягкой иронией*). Действительно все просто. (*пауза*) Я не знал, что женские бывают Дон-Жуаны, которым нравятся, чтобы на них женились...

Французская музыка 30-х годов.

Диалог становится беззвучным. Периодически, когда мужчина встает со своего стула и подходит к женщине поближе, она сердитым шепотом говорит: «Но вы с ума сошли!», и он отходит. В ходе диалога очевидно, что, когда мужчина начинает что-то с ожесточением ругать, женщина насмешливо соглашается с его доводами.

Пауза.

Клэр (*не скрывая своего смеха*). То, что вы говорите, очень интересно...

Жорж очень напряжен, он вновь и вновь преодолевает искушение приблизиться к Клэр. Ее развлекает, что он ничего не понимает в эти моменты.

(внезапно, указывая на кровать). Садитесь сюда...

Жорж садится на указанное место, она кладет ему голову на колени.

Да, это грустно, мы-таки несчастны. *(гладит рукой одеяло то в одну, то в другую сторону)*

Жорж боится шевельнуться, чтобы не оскорбить ее грусть.

Клэр продолжает разглаживать одеяло, пока не замечает на своем мизинце заусенцу и протягивает руку к столику за ножницами. Она неожиданно улыбается долгой улыбкой и взглядывает на собеседника мгновенно измененным взором.

Жорж *(осторожно перекладывая ее голову на подушку).* Простите, Клэр, забыл я папиросы... в кармане плаща.

Уходит в переднюю под смех Клэр. Через несколько мгновений возвращается, автоматически вытаскивая портсигар из заднего кармана брюк.

Клэр *(глядя в глаза собеседнику).* Как я удивлена!.. Я думала, вы носите папиросы!!!.. в кармане брюк. Своей привычке изменили вы?

Молчание.

(как бы умоляя ответить правду) Скажите мне... какая разница между плащом и брюками?

Жорж. Клэр, это жестоко очень.

Клэр. Я вас не узнаю. Заведите граммофон, это вас развлечет.

Жорж. Мне надо уходить, Клэр... я снова опоздал... к последнему поезду метро.

Клэр *(поспешно, как о незначительном).* Да-да, конечно... валяйте!

У двери он целует ей руку, прощаясь.

(сердито восклицая). Оставайтесь же!.. еще на чашку чаю.

Чай пьют молча. Он чувствует себя очень неловко.

Жорж *(встает и подходит к Клэр)*. Не надо на меня сердиться. Я десять лет ждал встречи с вами. И ничего у вас не прошу.

Клэр подходит к нему вплотную, и ее грудь касается его пиджака.
На лице Жоржа — ужас.

Клэр. Как, вы не понимали? *(судорога проходит по ее телу)*
Далее следует сексуально-эротическая сцена, достаточно лаконичная.
Клэр засыпает, а Жорж лежит рядом и не может заснуть.

Жорж *(в пространство, вполголоса)*.

Темно-синий цвет обоев —
как распознанная тайна...
духом неизвестным.
Постижение было мрачным —
мне казалось —
и внезапным,
и застыло,
точно не успев
сказать все до конца,
и возник
фон темно-синий.
А сейчас он превратился
в светлый —
словно дух еще старался
и нашел,
и обнаружил
грустно-матовый оттенок,
соответствующий чувству моему.
И над белым телом Клэр
все проплывали
облака прозрачной
печали.

Пауза, тихая музыка.

Клэр (*через некоторое время, поворачиваясь и как бы просыпаясь, вскрикивает*). Как?! Вы опять в Париже... оставьте меня, Александр!.. (*едва договорив фразу, она снова засыпает, однако стонет во сне*).

Жорж (*приподнимаясь и глядя ее по плечу*). Все хорошо, Клэр... это только чудится... это сон... все хорошо...

Наблюдает за Клэр до тех пор, пока она не успокаивается, затем встает и подходит к окну.

(*в пространство, с грустью*). Раньше я жалел о Клэр, принадлежавшей другим, теперь, лежа на ее кровати, в светло-синих облаках ее комнаты, жалел о том, что уже не могу больше мечтать о Клэр, как мечтал всегда.

З а т е м н е н и е

Картина 7.

Через неопределенное время.

На сцене поздний вечер, тихая музыка.
В правом углу — барная стойка, за которой — бармен. За столиком
Жорж, он держит в руках книгу и заметно ею увлечен,
но периодически отвлекается от нее и как будто грезит.
На авансцене высвечивается Гайто

Жорж (*к Гайто с некоторой ностальгической завистью*).
Ты мог не подчиняться никому...

Г а й т о (*расхаживая по авансцене*).
...в саду, бывало, лежа,
в воспоминаньях сладостных моих
был я попеременно...
то кадетом, то школьником,
солдатом —
кем угодно!..
И остального не существовало.
Я долгими часами создавал
искусственные роли для людей,
с которыми соприкасался в жизни. (*исчезает*)

Жорж вновь погружается в бестселлер.
Появляется элегантный Александр Вольф в светло-сером костюме,
он фланирует танцевальным шагом к барной стойке, устраивается
на высокий стул, что-то беззвучно заказывает бармену и выпивает
подряд несколько рюмок. Вскоре к Вольфу присоединяется
неожиданно появившаяся на сцене Клэр, и между ними развивается
фривольный пластический диалог, а, может быть, танец.

Жорж (*отвлекаясь от книги и наблюдая передвижение пары*). Я давно не видел Клэр. Вот уже несколько месяцев. До этого хоть изредка, хоть случайно мне доводилось встречать ее в общественных местах, как правило, в ночных кафе или ресторанах быстрого обслуживания, один раз — в синематографе. Ее всегда сопровождали спутники. Чаще она выглядела замечательно, хотя и казалась излишне возбужденной. Как правило, она не узнавала меня, или делала вид, что не узнает.

Иногда же, очень редко, может быть, раз в два-три месяца при случайной встрече требовала меня к себе и одаривала своей близостью. Но, в общем, она забывала обо мне. И я смирился и привык к этим ее исчезновениям и последующим редким коротким встречам. И сейчас она меня не замечала.

Пауза.

(возвращаясь к книге)

«Подо мною лежал мой труп
со стрелой в виске»¹...
автор, взявший эпиграфом к книге эту цитату,
стал мне люб.

Пауза, встает, подходит к рампе.

(зрителям) Присутствие или отсутствие этого человека меня мучило. Я нашел в нем загадку, которую непременно должен был разгадать. В его лице, мне казалось, было что-то, похожее на мертвую значительность — выражение невероятное на лице живого человека. Он действительно был похож на призрак! И тут я вспомнил лондонское издательство, где впервые разыскивал автора “I’ll Come Tomorrow”, и намек директора на употребление автором морфия, чему я не придал значения или позабыл. Как я не понял этого с самого начала? (пауза) Я пытался разобраться в своем странном новом пристрастии. Я рассуждал: его проза построена на удачном использовании психологических оттенков и переходов... Может быть, я завидую? Как это Саша Вольф, авантюрист, пьяница, любитель женщин ... как *этот* Саша Вольф мог написать “I’ll Come Tomorrow”? («Я приду завтра»)? Но даже если и так, все равно, этого явно недостаточно для того особого рода тяготения, которое у меня однажды возникло к этому человеку и не исчезало. Мне казалось, что я давно с ним знаком, но я абсолютно не знал, чем было вызвано это ощущение. Я только странным образом чувствовал в нем элемент своей собственной природы, а именно душевную двойственность.

---

¹ Эдгар По.

Г а й т о (*вновь высвеченный на авансцене, с горькой усмешкой*).

Можно подумать,
этого типа
создал ты лично,
именем странным нарек,
всем поделился с ним...
даже судьбой...
даже душой,
частью ее не лучшей.

Ж о р ж (*скороговоркой, как бы оправдываясь*). Русский писатель-эмигрант, живет в Лондоне, пишет по-английски. Он немного старше меня и... красивее. (*пауза*) В России, в дни Гражданской войны служил в конном отряде анархистов. Случайно чуть было не убит тобою... но выжил и вновь явился в мою жизнь как призрак... что же мне делать с ним?

Г а й т о (*негодуя*). И все-таки... он слишком нравится тебе!
Ты даже не ревнуешь его к Клэр!

Пауза.

Делает несколько прыжков на авансцене,
как бы моторно выражая свое негодование.

(*затем зрителям*)

Тандем — соблазн и отвращенье,
вот мерзопакостный елей!
В зеленой юности моей
невинным было раздвоенье. (*исчезает*)

Музыка.

Жорж тоже встает и делает несколько шагов по сцене,
периодически оглядываясь на значимую для него танцующую пару,
затем подходит к рампе.

Ж о р ж (*зрителям, дергаясь, нервно*).

Мне надо бы подойти к нему... познакомиться лично... но как выбрать момент?.. мешает Клэр... может быть, она выйдет в дамскую комнату, может, отлучится... в ее присутствии все

мои намерения сломаются... искренности, истины ожидать не придется. *(возвращается на свое место и сидит так некоторое время прикрыв глаза)*

Пауза.

(слышит повелительно звучащие собственные мысли)

Ты дал ему волчье имя,
в нем видя свою печаль,
которая стала зрима
и смерти несла печать.
Ты дал ему смерти имя,
ты знал за собой вину:
идея убийства мнимо
держала тебя в плену...
соблазна...

Жорж открывает глаза и пытается продолжить чтение, периодически отрываясь, чтобы наблюдать за Вольфом и Клэр, которые теперь устроились за столиком напротив. В кафе входит высокая женщина в меховой шубе, она с удивлением фиксирует свой взгляд на Жорже и подсаживается к нему.

Ральди. Я заметила тебя еще в автомобиле. Как ты стал шофером?

Жорж. Мадам, это ошибка.

Ральди. Ты не хочешь меня узнавать? Почему?

Жорж. Я никогда не имел удовольствия вас видеть.

Ральди. Тебе не стыдно?

Жорж. Но уверяю вас...

Ральди. Ты хочешь сказать, что ты не Дэде?

Жорж. Дэде? Я никогда не слышал этого имени.

Она в упор рассматривает его —
он терпеливо переносит эту бесцеремонность.

Р а л ь д и . Да, он был, пожалуй, чуть выше. Но какое поразительное сходство!

Ж о р ж . Я не только не Дэде, но я даже не француз, я — русский, мадам.

Р а л ь д и . Я могу тебе сказать, что я — японка, это будет так же неубедительно. Я знаю русских — графов, баронов и князей... Они все хорошо говорили по-французски, но у всех был акцент или иностранные интонации, которых нет у тебя.

Жорж замечает, что за столиком напротив мужчина пребывает в одиночестве — Клэр куда-то наконец-то отлучилась — и встает.

Ж о р ж (*к высокой женщине*). Простите меня, мадам, мне надо срочно что-то сказать вот тому господину...

Подходит к Вольфу, протягивает ему свою визитную карточку.
(*Вольфу*) Я вас долго искал... даже в Лондоне.

В о л ь ф (*знакомясь с визиткой, ровным голосом*). Мне передали. (*пауза*) Что, собственно, вызвало с вашей стороны такой интерес к моей особе

Жорж достает из своего портфеля книгу
и открывает ее на определенной странице.

Ж о р ж . Ваша книга “ГП Some Tomorrow” («Я приду завтра»), а точнее, рассказ из нее — «Приключение в степи». Он начинается с упоминания о белом жеребце апокалипсической красоты, на котором герой ехал навстречу смерти. Дальше герой с пулей, застрявшей чуть выше сердца, умирает, лежа поперек дороги, и спрашивает себя, что стало с человеком, стрелявшим в него, который продолжил скачку к смерти на этом же коне.

В о л ь ф (*с напряженным вниманием*). Да. И что же?

Пауза.

Жорж. Я вам могу ответить на этот вопрос.

Вольф (*индифферентно*). Вы можете ответить на этот вопрос? (*пауза*) Давайте встретимся здесь завтра в это же время.

Жорж (*смотрит на часы*). До завтра!

Возвращается за свой столик, где продолжает сидеть незнакомая высокая женщина.

(*к незнакомке*) Кто был этот Дэде?

Ральди. Это был один из моих любовников... для души.

Жорж (*не удержав улыбки*). Это очень лестно, но это был не я.

Ральди (*со слезами на глазах и дрожа от холода*). Пойдем со мной.

Жорж отрицательно качает головой.

У меня не было ни одного клиента сегодня, я замерзла, я не могла даже выпить кофе.

Жорж (*с жалостью*). Вас угостить?

Ральди. И ты ничего от меня не потребуешь?

Жорж. Решительно ничего не потребую.

Приносит женщине сэндвич и чашку шоколада, одновременно отмечая для себя, что за столиком напротив уже никого нет.

Ральди. Я начинаю верить, что ты действительно русский. Спасибо, топ шер. (*пауза*) Но ты меня не узнаешь?

Жорж. Нет, я никогда вас не видел.

Ральди. Меня зовут Жанна Ральди.

Пауза.

Жорж. Это имя мне ничего не говорит.

Ральди. Сколько тебе лет?

Жорж. Двадцать пять.

Ральди (*задумчиво*). Может быть, ты прав, твое поколение меня уже не знало. Я была любовницей герцога Орлеанского и короля Греции. Я была в Испании, Америке, Англии и России. У меня был замок в Виль д'Авре, двадцать миллионов франков и дом на рю Ренекэн.

Молчание.

Ральди пьет вторую чашку шоколада и ест сэндвич. Теперь в свете ламп видно, что ей значительно больше пятидесяти лет, ей, верно, за шестьдесят.

Жорж. Извините меня за нескромность... но каким образом вы пришли к такому печальному результату?..

Ральди. Это длинная история... наркотики... меня обкрадывали все... я не могла остановиться, хотя знала, чем все это должно кончиться.

Жорж (*рассеянно*). Да, да, все то же самое.

Пауза.

Ральди. Тебе не кажется нелепым, что ты шофер такси?

Жорж. Выбора у меня не было.

Ральди. Я могу тебе помочь, меня тронуло твое человеческое отношение ко мне. Ты молод и здоров, я устрою твою жизнь иначе.

Пауза.

Жорж смотрит на собеседницу с недоумением.

У меня большие знакомства... есть женщины, в конце концов, нестарые, сорок два, сорок три года, француженки или англичанки...

Жорж хохочет и хохочет, не в силах остановиться, немного истерично. Теперь уже собеседница смотрит на него с недоумением.

Жорж (*со слезами на глазах от смеха*). Премного благодарен.

Ральди. У тебя так сильны предрассудки? Ты находишь это невозможным?

Жорж отрицательно качает головой.

(*вставая из-за стола*) Лучше сидеть за рулем?

Молчание.

Жорж (*проводя Ральди к выходу и давая ей денег*). Вот возьмите немного...

Ральди. Спасибо, mon cher. (*пауза*) Я думаю, что ты не совсем нормален, и я теперь верю, что ты русский. Ты всегда найдешь меня здесь. Я буду рада видеть тебя. (*уходит*)

Жорж (*подходит к рампе, зрителям*). Я узнал ее историю позже от некоторых завсегдатаев этого ночного кафе. (*после паузы*) Жанна Ральди была очень умна. Простая девушка из провинции всегда знала, что погибла, и вот это смиренное принятие выбранной однажды судьбы не могло не отразиться на всей ее жизни, на каждом выражении ее глаз, на каждой интонации ее удивительного голоса и, наверно, на каждом ее объятии.

Пауза, судорожно затягивается сигаретой.

(*с исступлением*). Это невозможно, всюду, куда бы я ни попал, я вижу умирание и разрушение, и оттого, что я не могу этого забыть, вся жизнь моя отравлена (*возвращается за столик и продолжает курить одну сигарету за другой*).

Пауза.

На сцене появляется Клошар, садится напротив.

Клошар (*с иронией*). А это истерия!

Жорж (*гневно*). Во всем этом я часто теряю себя...

Клошар. Бесплатный сыр — только в мышеловке! (*пауза*)
Ты хочешь перестать быть писателем?!!

З а т е м н е н и е

Картина 8.

На следующую ночь.

На сцене — то же кафе. Глубокая ночь.

Слышен шум проезжающих машин. Жорж — за столиком, курит сигарету, что-то пишет в блокноте, периодически отпивает из чашки и время от времени поглядывает на входные двери.

Появляется Вольф, сегодня — в темно-синем костюме.

Жорж встает ему навстречу, они обмениваются рукопожатием.

В о л ь ф . Что заказать? Что вы пьете?

Ж о р ж . Молоко.

Вольф молча уходит делать заказ бармену.

(зрителям) Вижу, как наяву... как будто вчера случилось: я из горевшего вышел леса!..

На авансцене появляется Гайто,
он измучен, в грязной шинели, с трудом произносит слова.

Г а й т о . Я из горевшего вышел леса... стоял нестерпимый зной... ни времени, ни пространства — в моем опаленном мозгу. Своих потерял я: уснул под стрельбу, у дерева стоя. Худую найти кобылу мне посчастливилось, но!.. вскоре лошадь убили... от стремени, к счастью, ногу успел я освободить... когда вскочил — увидел, за мною всадник карьером скакал на белом огромном коне. (пауза) Я потерял винтовку, но помнил о револьвере, который с трудом извлек из новой тугой кобуры. (пауза) А всадник бросил поводья и вскинул к плечу винтовку — но выстрелил первым я: он медленно сполз на землю. (пауза) Мне трудно было пройти к убитому мной врагу. Ему было лет за двадцать... и он был почти красив... взгляд его все мутнел... а я стоял и смотрел, в немеющих пальцах сжимая ненужный теперь револьвер. (пауза) Потом я услышал топот — это была опасность! Я захватил коня и поспешил к своим. Продав коня-красавца немецкому колонисту за несколько дней до того... как покинул Россию. Оружие выбросил в море... но тягостное воспоминанье меня преследует всюду. (исчезает с авансцены)

Возвращается Вольф. За ним следует бармен со стаканом виски и стеклянным кувшинчиком молока. Вольф удобно устраивается напротив Жоржа и спокойно-выжидательно смотрит на него.

Жорж достает из своего портфеля книгу и открывает ее на определенной странице.

Вольф (*индифферентно*). Вчера вы сказали, что можете ответить на определенный вопрос...

Жорж (*с напряжением*). Да, я помню это так, как будто было вчера. Это я стрелял в вас!

Вольф изменяется в лице, вскакивает со стула и стоит, точно собираясь что-то сделать.

(*зрителям*). Я увидел его глаза в эту секунду и понял, что в любимом мной авторе сохранялось то, что я остановил тогда — только потому, что у меня был револьвер.

Вольф (*после паузы опускаясь в кресло*). Я слушаю...

Жорж. Это мое лицо вы видели над собой после того, как упали с лошади. Вы не ошиблись в вашем описании: мне было тогда шестнадцать лет. У меня, наверное, было сонное выражение, я не спал перед тем около тридцати часов. Это я уехал на вашем жеребце, потому что вы убили вашим первым выстрелом мою вороную кобылу. Это я стоял, наклонившись над вами. Я поспешил уехать, потому что ветер донес до меня далекий звук копыт.

Пауза.

Вольф (*с утвердительной интонацией*). Значит, это вы.

Жорж. К несчастью... все эти годы воспоминание никогда не покидало меня. Я смертельно жалел о том, что убил вас. И как я был рад, когда прочел ваш рассказ и узнал, что остались вы живы.

Молчание. Фоновая музыка.

Признаюсь, еще одно не дает мне покоя: как этот же самый Саша Вольф, партизан и авантюрист, мог написать “I’ll Come Tomorrow”?

В о л ь ф (*невесело улыбаясь одними губами*). Он, конечно, не написал бы этой книги, я думаю, он вообще бы ничего не написал. Но его давно не существует, а эту книгу написал другой человек. Это произвол судьбы. И если в нее верить, то вы были ее орудием.

Подходит бармен, убирает пустые стаканы, меняет пепельницу.

Б а р м е н. Не желаете ли чего еще, месье?

В о л ь ф. Да, еще виски, столько же!.. (*Жоржу*) Вам?

Жорж отрицательно качает головой. Бармен уходит.

Я тоже помню все. Как вы поднялись после вашего падения, как неподвижно стояли, словно оцепенели... Вы не испугались тогда?

Жорж молчит. На авансцене высвечивается Гайто.

Г а й т о. Как будто нет. Я был оглушен... мне хотелось спать... жизнь не казалась ценной. (*исчезает*)

В о л ь ф. Но это единственная ценность, которую нам дано знать.

Жорж с удивлением смотрит на Вольфа.

Я понял это тогда, когда умирал на дороге. (*пауза*) Мне было вас жаль... Я видел ваш отъезд и знал... смерть ждет... и уж не промахнется... как видите, я ошибся... но сколько раз я вспоминал о вас!.. как ни странно, но мне хотелось, чтоб на моей совести не было вашей смерти... как ни странно! ведь обычные чувства и представления — не грабить, не убивать, не насиловать — выжжены войной... Мы, каждый, приговорены к смерти, к своей личной смерти... а смерть с детства в моем воображении была от меня близко. (*пауза*) Я, например, уверен,

что умру насильственно и мгновенно, почти так, как в момент нашего первого знакомства. *(пауза)* Но тому, у кого хватит духа, дается возможность стать на короткое время сильнее судьбы и случая. *(пауза)* Минутная власть убийства!.. Если кто хоть раз испытает ее притягательность — тому все остальное покажется призрачным. В нескольких секундах насильственного прекращения чьей-то жизни заключена идея невероятного, почти нечеловеческого могущества.

Пауза, внимательно смотрит на Жоржа.

Вам, я думаю, это тоже знакомо... *(подняв на Жоржа глаза со странным выражением, не вяжущимся с интонациями голоса)*. Милый друг, знаете, зачем я приехал в Париж?

Пауза.

Жорж *(зрителям)*. Может быть, это была та самая идея убийства, которая столько раз с повелительной жадностью занимала теоретически и мое воображение?

Вольф. От моего пребывания здесь зависит решение одной сложной психологической проблемы.

Жорж. В какой степени зависит от вас лично?

Вольф. Всецело.

Жорж. Тогда это не проблема.

Вольф. Да, надеюсь!.. ведь я ее нашел.

Пауза. На лице Жоржа немой вопрос.

Женщину!.. Она сбежала от меня в Париж...

Пауза

(с усмешкой)

Порядочные женщины — в них есть тот привкус вялой прелести, что пресен...
Меня влекло неудержимо вниз,

туда, где грязь
с брезгливостью сплелись...

Жорж с ужасом смотрит на Вольфа, но не может сказать ни слова. (лукаво). Мы с вами близки... и не только по судьбе. Не помните ли... мы встречались не только в условиях гражданской войны...

Жорж смотрит на Вольфа не отрываясь —
**в изменившемся освещении тот на несколько мгновений
покрывается невесть откуда взявшимися лохмотьями
и превращается в подмигивающего ему Клошара,**
затем все возвращается на круги своя.

Что с вами?.. вы изменились в лице... на вас произвели такое сильное впечатление мои сентенции? (пауза) Да, признаюсь, нет большего соблазна, чем соблазн заставить события идти так, как вы хотите, не останавливаясь ни перед чем.

Жорж. А если это оказывается невозможным?

Вольф. Тогда остается уничтожить причину, которая вызывает эти события. (встает, делает знак бармену) Счет! (Жоржу) Подождите меня, я скоро вернусь. (уходит)

Подходит бармен, Жорж расплачивается по счету.
В кафе уже никого нет.

Возвращается Вольф вместе с Клэр, он тянет ее за руку.

Она плохо выглядит: бледна, ее трясет.

Вольф подталкивает ее сестр на свободный стул, рядом с Жоржем.

Вольф (раздраженно). Садитесь же, наконец!

Клэр смотрит на Жоржа и, кажется, не узнает его.

Жорж (с дрожью в голосе). Клэр... что с вами?

Вольф. Ба! Да вы знакомы!.. полюбуйтесь, я вытащил ее из дамской комнаты, она там пребывала все время, пока мы с вами философствовали... не усидела в отеле, увязалась за мной... она зависла на дозе... я дал ей попробовать ради

шутки... так, раз или два... она просила!.. ей хотелось кайфа... ей было скучно... она сменила несколько мужей и несчетное число любовников... (*бросает беглый взгляд в сторону Жоржа*) Да с вами-то что? Влюблены? Не похоже! Любите, значит... а она вот любит меня, хоть и сбежала... дура!

Клэр падает на колени.

Жорж (*в сторону*). Как я мог этого не понять с самого начала? (*пауза*) Он был убийцей! он нес с собой смерть, он шел убивать или быть убитым.

Клэр. Я прошу тебя, Саша... у тебя же с собой есть, я знаю...

Вольф резко отталкивает женщину, та падает на спину
и ударяется головой.

Жорж кидается ей помочь, но она, поднявшись со спины,
в свою очередь отталкивает его и вновь ползет к Вольфу.

Вольф. Тварь! Ты надоела! Убирайся! Иначе я прикончу тебя...

С отвращением пинает ее, когда она пытается цепляться за его ноги.

В его руке оказывается маленький блестящий парабеллум.

Вольф направляет его ей прямо в голову. Одновременно с выстрелом

Вольфа Жорж, совершая резкое телодвижение и закрывая собой
уже лежащую на полу Клэр, делает свой выстрел.

(*смертельно раненный Вольф, сползая со стула с улыбкой на лице*). ...я же знал: насильственно и мгновенно.

Жорж придерживает раненую руку здоровой рукой
и помогает подняться Клэр, которая все время теряет равновесие.
Крики. Прибегает бармен. Появляется Полицейский. Звучит сирена.

З а т м н е н и е

Картина 9.

Через неопределенное время.

Общая сцена затемнена. Тихая музыка.
На авансцене воцаряется синий цвет,
который перемежается прожилками лучей белого цвета.

Жорж (*зрителям*). Со мной не раз бывало...

Пауза.

Я шел пешком. Был вечер,
холодный зимний вечер...
Шел мелкий снег,
светили фонари...

Я долго шел пешком
сквозь мутную прозрачность
пустынных зимних улиц
и фонарей, и снега —
и потерял реальность.

И в мутном и беззвучном
движении сквозь холод,
я чувствовал, ускользало
мое существование...
Но будто ручеек
воздушного сиянья
мне открывался вдруг...

Обычное освещение, затем авансцена гаснет.

На основной сцене под навесом кафе высвечивается
согнувшаяся фигура Ральди в дрянном мужском пальто.
Вечер, летний мелкий дождь.

Подходит Жорж, Ральди невесело улыбается ему.

Ральди (*поднимая свои усталые и нежные, как всегда,
глаза*). Здравствуй, mon cher ami, тебя послало Провидение.
Я ждала первого метро, чтобы вернуться домой, и не могла
войти в кафе, так как у меня нет денег.

Жорж. Идемте, идемте!.. поговорим в кафе.

Садятся за столик на террасе, пьют кофе,
Ральди холодно, она кутается в пальто.

Ральди. (*вытирая носовым платком слезы*) Алиса ушла. Остается околевать. В конце концов, то, что она сделала, естественно.

Пауза.

Жорж (*зрителям*). Я понял, она говорила о красавице подопечной, на помощь которой надеялась, которой уделила много внимания, пытаюсь сделать из тротуарной, как она выражалась, женщины, даму полусвета, какой была в прошлом сама. (*к Ральди*) Неужели среди всех ваших покровителей не осталось в живых никого, кто мог бы платить вам немного денег, что позволило бы вам существовать?

Она отрицательно качает головой.

Ральди. Они все — как Алиса. Если бы я когда-нибудь написала свои мемуары, люди узнали бы много интересных вещей о некоторых известных сейчас политиках. Но у меня нет сил, посмотри на мои руки... (*протягивает собеседнику кисти рук*)

Жорж (*зрителям*). Ревматические пальцы не повинуются ей.

В кафе Ральди несколько раз становится дурно,
она кладет руку на сердце
и перестает есть, отдышавшись — приходит в себя.

Жорж. Что с вами?

Ральди. У меня как будто устало сердце, ты отвезешь меня домой?

Общий свет гаснет.

Высвечивается комната Ральди на авансцене,
схожая с камеркой Жоржа.

Ральди входит и, не раздеваясь, в пальто, ложится на свою кровать.

Жорж. Вам следовало бы лечь в больницу. Я это устрою — позвоню по телефону...

Ральди (*отрицательно качая головой*). Нет-нет, я не хочу в больницу... там я буду больная номер такой-то, как все. Я не такая, как все. (*приподнимая голову с подушки*) Я все же Ральди. Ты понимаешь? Я умру одна.

Молчание.

Жорж сидит, сцепив пальцы, на единственном стуле в комнате, который скрипит и покачивается.

Потом встает и рассматривает блеклые фотографии Ральди, снятые в эпоху ее расцвета, развешанные по стенам.

Затем опять садится рядом с кроватью больной.

Ральди. Я храню это... тебе, может быть, смешно? Это были лучшие мои годы.

Она пристально смотрит в лицо Жоржу — ему неловко, и он отводит глаза.

Ты женат?

Жорж. Нет.

Ральди. У тебя есть любовница?

Жорж. Да, теперь есть.

Ральди. Ты ее очень любишь?

Жорж (*неуверенно*). Да, наверное...

Ральди. А она тебя?

Жорж. Зачем вы меня об этом спрашиваете? Этот диалог похож на упражнение из учебника французского языка.

Ральди. Я спрашиваю потому, что хочу понять тебя. Теперь я знаю, мне кажется, почему здесь именно ты. Это оттого, что ты несчастлив в любви, мой милый. Ты можешь дать больше, чем от тебя требуют. И вот то, что остается, ты приносишь мне.

Тихая музыка.

Следует беззвучный монолог Ральди.

Жорж (*зрителям*). Я слушал ее и думал, что, несмотря на свой несомненный ум и громадный опыт, она представляла себе только одну возможность счастья, именно ту, которую она продавала и раздавала всю свою долгую жизнь и к которой остальное было лишь случайным дополнением.

Ральди протягивает руку к ночному столику и берет стакан воды, но пальцы ее так сильно дрожат, что она не может поднести его ко рту.

Жорж наклоняется над ней и поит ее с ложки. В сырой тишине комнаты слышно хриплое дыхание и глухое бульканье в ее горле.

Р а л ь д и . Включи мне радио, видишь на комодe? поверни выключатель...

Жорж включает радио — высокий мужской голос, звучащий очень тихо и чисто, поет итальянскую арию.

До завтра, mon cher ami, мне теперь гораздо лучше (*откидывается на подушки и почти незаметно умирает*).

Жорж несколько раз тревожно окликает ее, затем находит в комнате зеркальце и подносит ко рту умершей — оно не запотеваает.

Закрывает лицо Ральди простыней. Музыка постепенно угасает.

Жорж некоторое время пребывает в оцепенении, затем встает, подходит к рампе.

Жорж (*зрителям*). Мадам Ральди умерла.

Общий свет гаснет.

На следующее утро. Жорж — на авансцене, он — в своей каморке.

(*зрителям*) Мне было тяжело — и я привычно подумал о матери... ее образ с годами стал теплей и понятней... не видя ее воочию, а лишь через письма, я перестал ощущать ее холодность, ее превосходство над собой.

Достает из нагрудного кармана конверт и читает письмо, затем подходит к рампе.

(*зрителям*) Мать пишет, что живет в России совсем одна, но наша переписка дает ей ощущение, что мы вместе. Правда, добавляет, что если бы, к примеру, я ее оставил, она такого горя

не перенесла бы, но просто зачала бы, как одна наша родственница, у которой умер единственный сын. Мои мрачные мысли, когда-то слабодушно поведенные ей, она повелительно отсекает: «Мысль о самоубийстве не смеет приходиться в твою голову, для нее ты слишком здоровый человек, и ты должен писать, а не зарывать свой талант в землю» (*аккуратно складывает письмо опять в карман*).

Возвращается к себе в кресло, закуривает сигару и —
вдруг слышит вчерашнюю знакомую музыку.

(как бы медитируя, сам себе).

Мелодия,
вчера струившаяся
рядом с телом
умершей Ральди,
передо мною возникла вновь.
В ней я услышал
шум воды
и крики птиц...
Тень, отступающая,
в ней
перемещалась вслед за солнцем...
Росинок слезы
на траве
зеленой
стыли серебристо...
И легкий пар над деревьями
подобно музыке
струился...

Звучало «Утро» Грига —
но...
Ральди
до утра дожить...
сил не хватило.

Затем встает и подходит к рампе.

Смерть когда-то манила меня и
вдохновляла,
было что-то отважное в том,
чтобы ей не поддаться,
все по краю ходить,
изловчаться,
будто силы оттачивая...
и мастерство.

Пауза.

А сейчас все иначе:
исчез раздвоенья соблазн...

Пауза.

...озарением явилось чувство: мне суждено еще одно, послед-
нее, знание, которого нет ни у кого и которое суждено только
мне. Это была третья жизнь — точно ослепительное сияние
воздушной реки, которое я искал всю свою жизнь.

Авансцена гаснет. Освещается основная сцена.
Вбегает Гайто, на его плече детское ружье.

Г а й т о .

В каникулы встречал меня Кавказ —
из дома деда уходил я в горы,
орлы кружили, радуя мой глаз,
жуки и черви покидали норы.
По грудь цвела высокая трава,
а в стороне бурлил шумливый Терек,
и крылья черной мельницы над ним
подобно птице украшали берег.

Пауза.

Снимает с плеча ружье и делает несколько салто на руках.

А как-то раз я видел стадо крыс,
они переселялись ранним утром:
их мелкий глаз был жаден и искрист,
в их пластике присутствовала мудрость.
Дойдя до леса, первый муравейник

для подвигов своих облюбовав,
я поступал как режиссер-затейник,
жестокости своей не осознав.

Свирепого тарантула однажды
на муравьиный холм я заманил...
но он сражался и погиб отважно —
я перед ним колени преклонил.

Прицеливается и стреляет в воображаемых птиц.
Ложится спиной на траву, грезит.

Я не был навсегда определенным,
я разным был — и запахи чудес
меня своим многомиллионным сонмом
в горячечный ввергали интерес.

Я засыпал на ласковой траве
с мечтами в закруженной голове.

Вскакивает, дурачится, бежит на авансцену
и сбегает по проходу в зал, но затем возвращается.

Я возвращаюсь в дом, а солнце вслед,
горячее и красное, сияет,
в черкеске — дед, ему уже сто лет,
он бодр и добр, и он меня встречает.

На заднике сцены как видение демонстрируется фигура
Деда в черкеске, он грозит внуку пальцем.

Пусть золотой красуется кинжал
на поясе его и в час досуга...
давным-давно коней дед угонял
у чужаков... и ловко продавал,
и лихостью заслуживал похвал...

Мы с дедом крепко друг стоим за друга!..

Появляется люди в национальных одеждах, танцуют лезгинку.

Гайто неуверенно пытается им подражать.

Затем как бы в противовес демонстрирует свои спортивные навыки —

земляки шумно выражают одобрение.
Общий свет гаснет. Гайто — на авансцене один.

Мне с детских лет казалось —
знаю тайну,
всем прочим недоступную:
познав
мгновенную подчас метаморфозу,
я ощущал свое слепое знание,
блаженное,
чудесного вблизи.

Мной решено,
что два...
есть мира:
мир реальный
и потайной,
где скрыто
мое второе «я»...

Его удел —
чреда
несметных
превращений...

З А Н А В Е С

Зинаида Семеновна
БИТАРОВА

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — ДУША

Психологическая драма

На 4-й стр. обложки — работа художника Ацамаза Харебова

Редактор *И. А. Сергеева*
Художественный редактор *Н. П. Кооль*
Верстка *Е. Л. Бовичева*

Подписано в печать 21.05.2011. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0
Тираж 200 экз.

Отпечатано в издательстве «АРТЕК»
Санкт-Петербург, Университетская наб., 19

Битарова З. С.

Место действия — душа: Психологическая драма. — СПб., «Артект», 2011. — 64 с.

ISBN 978-5-905059-16-2

Зинаида Битарова (Битарова Зинаида Семеновна) — член Союза писателей России, лауреат премии им. Игоря Северянина, поэт, прозаик, драматург. Награждена медалью «За трудовую доблесть» (1986) Родилась в г. Цхинвале. Окончила Ленинградский педиатрический медицинский институт и Литературный институт им. М. Горького.

Первая книга рассказов «Почему болит голова» вышла в 1986 г. Изданы книги стихов: «Лирика» (1990), «Пантера» (1999), «Манжет» (2002), «Мой платонический роман» (2007), удостоенный премии им. Игоря Северянина. В 2006 г. опубликованы две одноактные пьесы — «Танец Травести» и «Крыса».

В 2010 г. выпущена книга «Телефон доверия», включившая в себя рассказы, повесть, пьесу. Название книге дала пьеса, ее завершающая.

В 2008 г. по одноименной пьесе З. Битаровой «Театральной лабораторией» Вадима Максимова поставлен спектакль «Танец Травести», шедший на разных площадках Санкт-Петербурга в течение двух театральных сезонов.

В 2010 г. Петербургским драматическим театром «Остров» по пьесе «Телефон доверия» поставлен спектакль — включен в репертуар театра и уже второй год находит своего зрителя.

Зинаида Битарова живет и работает в Санкт-Петербурге.